

Мужчины не боятся
темноты

Виго Сан

Виго Сан

Мужчины не боятся темноты

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Сан В.

Мужчины не боятся темноты / В. Сан — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Странный дом, прячущийся в холмах пустыни, в котором никогда не выключается свет. Его странный хозяин - жизнерадостный миллионер, прикованный к инвалидному креслу. Странные гости - американский писатель, еврейский ученый и немец - военный. Странные вопросы, странные задания и обещание денег. Ворох древних жестокостей и покрытых пылью кровавых мифов. И тайна. Тайна, которую скрывает в своей глубине дом, в котором однажды стало темно...

© Сан В., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Мужчины не боятся темноты	5
День 1	5
День 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мужчины не боятся темноты

День 1

Тихая ночь, очень тихая. Такая тишина возможна только вот в таких, удаленных и пустынных местах. Камни и песок пустыни Негев в южном Израиле хранили свое тысячелетнее молчание. Ни единого шелеста травы, ни единого звука животных или насекомых. Полноприводный джип, ехавший по неожиданно хорошей дороге, был единственным источником звука, который нарушал тишину этого места.

Водитель тоже молчал, как и единственный пассажир машины. Наконец появилась цель их поездки – незаметный со стороны, словно утопленный в скалу дом. Подъехав к широкому въезду, перегороженному серьезного вида глухими воротами, джип остановился. Водитель посмотрел в камеру наблюдения у ворот, но ничего не сказал. Через некоторое время ворота раскрылись, и джип въехал в обнесенный стеной дворик. Площадь дворика тянула на пару акров, на которых владельцу удалось разместить какие-то деревья, небольшой бассейн и даже вертолетную площадку. В глубине двора виднелся высокий двухэтажный вход в современном стиле, из стекла и стали. Прямые и строгие линии резко контрастировали с грубой скалой, в которой, видимо, сам дом был вырублен. Джип остановился рядом с огромной стеклянной дверью, похожей на вход в дорогой бизнес-центр. Пассажир джипа вышел, держа в руках небольшой чемодан, поправляя на плече сумку с ноутбуком. Его пистолет по давней привычке лежал в кармане куртки. У входа позднего гостя уже встречал хозяин дома.

– Шалом! – с веселой радушной улыбкой поприветствовал приехавшего пожилой мужчина в коляске. Лицо его было лицом человека, привыкшего улыбаться – лукавые глаза, обрамленные лучистыми морщинами, глубокие складки вокруг полных, привычно растянутых в улыбке губ. Его хорошее настроение несколько обескураживало – мужчина был безногим. Он сидел в инвалидной коляске, и пустые штанины, по-военному тщательно отглаженные, были аккуратно подвернуты и закреплены зажимами. Кроме того, судя по скованным движениям и неподвижности кисти, затянутой в черную перчатку, вместо левой руки у него был протез. Джип вместе с молчаливым водителем тихо и аккуратно развернулся и поехал назад. Мужчина в коляске, наоборот, лихо взревев моторчиками покатил внутрь дома, махнув искалеченной рукой своему гостю, приглашая следовать за ним. При этом он, не переставая, говорил.

– Все уже собрались, но вы не думайте, мы почти не успели вас пождать, – русский язык для человека в коляске явно был не родной. Поздний гость шел за коляской улыбаясь, не делая попыток вступить в разговор, но и не прерывая говорившего. Он был знаком с этим израненным человеком и знал, что ему не особенно нужен собеседник для разговора, обычно хватало и слушателя.

– Вы знаете, у меня есть мадера, а вы знаете, как она может помочь, когда ждешь? Я помню, однажды в... Хотя, об этом потом. Да, и Рудольф, на людях мы как будто недавно познакомились. Просто потому что я так прошу.

– С одним условием, Моня, – отозвался Рудольф, – объясните мне, что там у вас в кресле. Моня остановился. Внимательно посмотрел на Рудольфа и вздохнул.

– Давайте в этот раз я скажу чистую правду. Ну то есть как я говорю всегда! – начал Моня. Это была их собственная шутка. Кресло Мони и правда выглядело так, как будто в него напихали посторонних предметов. Даже на вид неудобные, выступающие угловатые выпуклости по бокам, слишком массивные подлокотники, особенно с левой стороны, под покалеченной рукой. Рудольф однажды не выдержал и спросил, не возит ли Моня с собой сейф с бриллиантами. Моня поддержал шутку, и со временем это стало вроде ритуала приветствия.

– Что у вас в кресле?! – удивлялся Рудольф при каждой встрече.

– Пистолет для подводной стрельбы! – отвечал Моня. А в другой раз – Фосфорный факел, вы ведь знаете, как я боюсь темноты! – и они смеялись. Сегодня Моня заявил:

– Химический лазер! И поверьте мне, Рудольф, это стоило мне как пара хороших брильянтов!

Моня, посмеиваясь, покатился дальше. Рудольф не отставал.

– Ну, давайте уже познакомимся с остальными и будем укладываться отдыхать с дороги, а то нам таки еще завтра надо работать! – громко заговорил Моня, чтобы остальные гости его услышали. – Все меня зовут Меир, но вам можно просто Моня, – Моня проехал прихожую, надежно отделенную от пустыни огромными стеклянными стенами, прокатился по кондиционированной прохладе коридора, ширина которого позволяла переоборудовать его в гараж для двух внедорожников, и, наконец, вкатился в большую, неестественно ярко освещенную комнату, отделенную от коридора только цветом пола. Несмотря на режущие яркий свет, как в операционной, свет, лившийся из больших светодиодных светильников на потолке, сама комната была обставлена в классическом стиле. Темные деревянные панели на стенах, кожаные диваны, ковры на паркете, массивный бар из дорогого дерева. Окон не было, вместо них на стенах висели картины, старинные даже на вид. Место хватило и для забранного зеленым сукном бильярдного стола в углу. Все это странно выглядело на фоне входной группы из стекла и металла, но Меир и сам был странным человеком. Рудольф внимательно посмотрел на гостей Меира.

На широком кожаном диване сидел человек с густыми взлохмаченными длинноватыми темными волосами и неопрятной бородой. На вид ему было за сорок, в волосах виднелись седые пряди. Взгляд его черных глаз за толстыми стеклами дорогих очков был неожиданно внимателен и тверд. Он поставил бокал на низкий журнальный столик, встал и, протянув вошедшему руку, заговорил на иврите:

– Зай гезунд! Ну и это все, кто тут будут? А я скажу, что больше и не надо, больше людей, больше слов, меньше правды, – сказал он вместо приветствия. Он говорил на иврите, с едва заметным восточноевропейским акцентом. Не выпуская руки Рудольфа из своей, очкарик обернулся на сидящего у стойки маленького и полного человечка. – А это таки наш генератор бреда, Беня Заяц.

– Зайнц! – возмущенно крикнул от барной стойки представленный. У него было полное, добродушное лицо с аккуратной бородкой. Большие карие глаза смотрели на мир по-детски наивно.

– Рудольф, – в свою очередь представился вошедший и, немного помолчав, добавил: – Нойманн.

Лохматый очкарик выдернул свою руку из руки Нойманна так, будто его ударило током. Немного постояв в растерянности, он хмуро плюхнулся обратно на диван, по дороге судорожно схватив стакан.

– А это Михаил Цемель, – представил его на русском подъехавший Моня и радушно предложил: – А теперь давайте сядем. Я уже сижу, и поэтому как раз вам немного скажу, почему мы тут!

– Азохн вэй, он что, не понимает иврит? И нам что, придется говорить на немецком? – недовольно пробурчал Цемель на русском, в полголоса, но так, чтобы все услышали.

– Я не совсем хорошо говорю на иврите, – сказал Рудольф.

– А я просто не совсем говорю на иврите, – заявил Беня Зайнц так же на русском, плюхаясь в соседнее с Рудольфом кресло. – Давайте на английском?

– Ой, зачем эти сложности, – замахал рукой Моня и улыбнулся. – Давайте будем говорить на русском, раз никто не слышит? Подождите говорить, дайте я скажу сначала. Уважаемый Михаил у нас профессор, историк, регионовед и просто человек удивительно больших зна-

ний, поэт среди экспертов, он будет все знать, все объяснять, всем все рассказывать, – Михаил Цемель неопределенно махнул рукой, то ли отрицая сказанное Монеи, то ли призывая продолжать. – Беня Зайцен...

– Зайнц! – рявкнул Беня с кресла. Он уже порядочно выпил, судя по раскрасневшемуся носу.

– ...очень хороший, продаваемый писатель, с интересными теориями. Он пишет под другим именем, в Америке, но это он сам расскажет, когда захочет, – невозмутимо продолжил Монея, и только в глазах его заиграли лукавые искорки. – А вот Рудольф, – сказал он, повернувшись к Михаилу Цемелю. – Как и мы все, из России, но он сначала уехал в Германию, где женился на девушке из хорошей еврейской семьи. Удивительно, но хоть он и атеист, не постеснялся подумать хорошо и принял иудаизм, а потом, в отличие от нас всех, он немного повоевал в Цахале, и до сих пор состоит в резерве, так что тут все свои.

– Хватит уже всем говорить, что я хам, я же еще ничего и не начал! – возмутился Миша Цемель.

– Я не хочу никого вводить в заблуждение, – вмешался Рудольф, – но я скорее агностик. Строго говоря, эта история с иудаизмом затеялась из-за родителей жены. Нет, ребе говорил со мной как полагается, у меня есть поручители, и да, я искренне хотел на ней жениться, так что все условности соблюдены.

– Я сам это слышу?! Условности! – опять возмутился Михаил Цемель, но уже без прежней горячности. Он взял свой опустевший стакан и встал. – Я собираюсь себе налить что-нибудь. Рудольф! Что вы будите пить? Тут есть много хорошего, и Монея за это не просит денег!

– Водку с колой, – определился Рудольф, немного подумав.

– Как стриптизёрши в Лас-Вегасе? – хохотнул Беня из своего кресла.

– И вы, молодой человек, думаете, такие знакомства помогут вам в жизни? – тут же отозвался от барной стойки Миша.

– О чем вы спорите? – внезапно грозным голосом вмешался Монея. – Вы не от том спорите! Да, я вам плачу затем, чтобы вы спорили, но не об этом!

– Но за что вы нам платите? Вы расскажите, а то я уже весь озадачился, – серьезно сказал Беня Зайнц, оставив бокал. И даже Миша Цемель молчаливо замер у стойки, не желая отвлекаться от слов Меира.

Монея постучал пальцами здоровой руки по подлокотнику своего несуразного кресла.

– Ну давайте поговорим так. Я скажу, что мы должны сделать, а вы будете говорить, как вам лучше. Так случилось, что вы таки имеете отношение к тому вопросу, который я задам завтра.

– Какому вопросу? – тут же спросил Миша.

– Который я задам завтра, – невозмутимо повторил Монея и продолжил: – И вы все знаете, что есть такая хорошая штука, мозговой штурм. Вот этим вы и займетесь.

– Нас маловато для мозгового штурма, – скептически заявил Беня.

– Так я вам с Мишей буду помогать, – радостно заявил Монея, – а Рудольф у нас будет судья.

– Не совсем понимаю, – сказал Рудольф, – почему именно я.

– Потому что я думаю, что так правильно, – с металлическими нотками в голосе отрезал Монея. И поднял руку, призывая к тишине одновременно попытавшихся что-то сказать Мишу и Беню. – Замрите все! На сегодня хватит, я уезжаю спать. Давайте будем спокойными людьми, познакомьтесь тут со всеми, спальню вам покажут, вот кнопка для вызова моих домработников. Я все, что нужно, скажу завтра, у вас будет еще две недели, чтобы со мной наговориться.

И, больше никого не слушая, Монея и в самом деле укатил. Вместо него зашел человек в удивительно строго выглядящем на нем мешковатом свитере и какими-то неуловимыми армейскими повадками. Он представился домработником Игорем. Игорь показал гостям их

комнаты, где они будут жить, и помог отнести багаж. Под гостевые спальни отводилось целое крыло. Спален было целых шесть, но под строгим взглядом Игоря даже Миша не решился выбирать, поэтому они заселились, как в армии. От входа по порядку и старшинству – Цемель, Нойманн, Зайнц. Игорь был немногословен, небрит и угрюм, а кроме того имел совершенно славянскую внешность. По дороге он объяснил, что свет в доме горит круглые сутки, и выключить его нельзя. Таковы уж причуды Меира. Для того, чтобы гости могли уснуть, в прикроватной тумбочке находилась целая коллекция масок для сна. Сами комнаты напоминали номер отеля. Большая кровать, нейтрально серый цвет стен, неброские украшения на стенах. И невероятно яркие светодиодные светильники, утопленные в потолок. Немного обескураживало отсутствие окон. Неприметная дверь, которая вела в отдельный санузел, в котором помимо унитаза и большой раковины уместились биде и душевая кабина.

Рудольф разложил вещи, немного подумал и выложил пистолет в ящик тумбочки. После чего, поскольку на часах было всего лишь начало восьмого, вернулся в гостиную, где тут же был встречен Беней и Мишей. Оба были слегка пьяны еще до того, как приехал Рудольф, и сейчас продолжали банкет. Обследовав холодильник Меира и разграбив его бар, они играли в бильярд, попивая алкоголь. Но если Миша еще себя сдерживал, то Беня, похоже, не знал своей меры. Или, как сказала бы теща Рудольфа – «Запланировал напиться совсем пьяным». Рудольф был усажен в кресло, обласкан, вооружен стаканом с хорошим и дорогим алкоголем и под звонкое «Лехаим!» напоен. После нескольких порций и десятка анекдотов и случаев из жизни Рудольф понял, что с ним проводят «мягкий» допрос. Миша с Беней выспрашивали Нойманна о его родителях, жене, родственниках, месте службы, учебе, любимых фильмах. Рудольф к этому привык, такое происходило каждый раз, когда ему приходилось встречаться с родственниками его жены. Но сейчас он был не настроен на это, поэтому встал и, попрощавшись, отправился к себе в спальню. Он принял душ, почитал перед сном и ровно в десять ноль-ноль лег в кровать, натянув на глаза повязку. Обычно он ложился чуть позже, но сейчас планировал выспаться как следует, чтобы завтра быть бодрым, энергичным и трудоспособным. Но его планам помешали.

Примерно в час, когда Рудольф уже спал, в его комнату ворвался Беня. Двери в гостевых комнатах не закрывались, только захлопывались. Но открывались с ужасным лязгом.

– У вас тоже нет выключателей? – с порога спросил Беня и начал бесцеремонно обшаривать стены. – И у меня! Дикость какая-то! – от Бени тянуло алкоголем, и он слегка пошатывался. В руке у него была крохотная бутылка Хеннеси. По-видимому, писатель добрался до минибара. Он подошел к лежащему на кровати Рудольфу и бесцеремонно уселся рядом. А потом придвинулся ближе, заставив Рудольфа подумать о писателе всякую гнусность, но оказалось, что Зайнц просто решил посекретничать:

– Я вас уверяю, – горячо зашептал он, – нас снимают! Я не нашел камер, но зачем тогда этот постоянный свет?! Мы в каком-то реалити-шоу! Они нас снимают и смеются! Даже в туалете! У вас еще остался коньяк в минибаре?

Рудольф вздохнул, высвободился из-под одеяла, в свою очередь явно смутив Бенью своей пижамой. Потом поднял подвыпившего Зайнца с постели, и молча, но аккуратно, придерживая за локоть, вывел из номера.

– Поговорим об этом завтра, – сказал он американцу и закрыл за ним дверь. Так как двери в комнатах, к несчастью, не запирались, Рудольф немного подождал. Убедившись, что Беня не попытается повторить вторжение, Рудольф вернулся в кровать.

Улегшись в постель и натянув на глаза дурацкую маску, он уже начал засыпать, когда его снова разбудили странные звуки. Видимо, еще не совсем проснувшись, он на автомате взял пистолет из тумбочки и прокрался в соседнюю комнату, где жил Беня Зайнц. Дверь была закрыта, но, разумеется, не заперта. Рудольф мягко и насколько сумел тихо открыл дверь и увидел Зайнца, стоящего с ножом у стены, которая отделяла комнату от туалета. Рудольф осто-

рожно зашел и убедился, что кроме Зайнца в комнате никого нет. Спрятал пистолет в карман пижамы и спросил:

– Что вы делаете, Зайнц?

Беня вздрогнул от неожиданности, испуганно обернулся и увидел Рудольфа.

– А! А, это вы... – сказал он, успокаиваясь. – Я вас разбудил? Дико извиняюсь!

Рудольф заподозрил, что Беня пьян, как ВДВшник в фонтане. То есть ровно настолько, чтобы быть решительным и энергичным, хотя и немного неуклюжим. Это было не очень хорошо, так как кто-нибудь мог пострадать. Пока пострадали только трое – дикция и координация самого Зайнца и стена дома Меира. В стене под странным углом торчал широкий кухонный нож.

– Понимаете, Рудольф, – сказал Беня, – вы можете пописать, когда на вас кто-то смотрит? Я, например, нет! Не говоря уже о чем-то более... кхм... серьезном. Я тут изучил стены и выяснил, что либо наш хозяин не всегда так боялся темноты, либо этот дом изначально построен не для него. Тут есть замурованные выключатели, и сейчас я просто аккуратно вскрою гипсокартон и выключу свет в туалете... – с этими словами он нажал на широкий кухонный нож, торчащий из стены. Лезвие с неприятным шорохом прорезало несколько сантиметров.

– Вы не боитесь неприятностей с Монеи? – удивился Рудольф.

– Я даже на них надеюсь, – ответил Беня, выдергивая нож и переставляя его к следующей точке. – Если сейчас сюда примчится Игорь и будет кричать, я узнаю, что у них есть камера в моей комнате!

– У них есть камеры в наших комнатах, – утвердительно сказал Рудольф. – Вы что, не знали, куда едете?

– И они за нами наблюдают? Даже в туалете?! – возмутился Беня.

– Вот это вряд ли, – не согласился Рудольф. Неожиданно под ножом Бени что-то с характерным хлопком заискрило. Зайнц с испуганным вскриком отскочил. Искры прекратились. Свет моргнул, но не погас. В комнате. Свет в туалете пропал.

– Кажется, я перерезал провод, – сказал Беня и жалобно посмотрел на Рудольфа. – Надо что-то сделать!

Рудольф понял, что теперь Беня собирается найти спасителя, на которого можно спокойно возложить ответственность за свои действия. Беня не первый знакомый Рудольфа, у которого была еврейская мама. Но Рудольф не нянька, а Беня взрослый мужчина.

– Да режьте хоть все и делайте что хотите! – неожиданно для себя рассердился Рудольф. – Я не буду в этом участвовать. Но вы, Зайнц, прямо сейчас прекратите шуметь, я пытаюсь уснуть!

Беня удивился, но потом пожал плечами и, оставив нож в стене, немного покачиваясь, подошел к Рудольфу.

– Конечно, конечно! – горячо заговорил Зайнц, кивая, и, схватив Рудольфа за руку, потащил к выходу. – Не смею вас задерживать. Тем более что, наконец, пришло время мне как следует насладиться плодами трудов своих и расслабиться в уединении, – на последних словах он выставил Рудольфа за дверь своей комнаты. Рудольф послушал, как Зайнц запирается, пожал плечами и пошел в свою комнату. Честно говоря, его тоже всерьез начало раздражать, что в доме Меира такая яркая и постоянная иллюминация. Но это же не повод сходить с ума.

День 2

На следующее утро, ровно в девять часов, они снова собрались, но уже в другой комнате. Комната для совещаний, как и спальни, как и кухня, как и вчерашняя гостиная, находилась все на том же этаже. И без окон. Но обстановка на этот раз была по сравнению с гостиной убогой, то есть – деловой. Напоминало комнату совещаний в захудалом офисном центре. Рудольф предположил, что их хозяин, Меир, ненавидит ступеньки, и поэтому построил огромный одноэтажный дом. В пустыне. В скале. Без окон. Все это было довольно странно. Он осмотрелся. Какая-то картина, стоимость которой наверняка была даже более безумно неадекватной, чем изображенные на ней абстракции. Скучные белые стены, проектор, черный овальный стол.

Миша Цемель сразу принял деловой вид и даже расчесал пятерней шевелюру. Он достал ноутбук, блокнот и всем своим видом показал, как сильно сосредоточился. Бенья Зайнц попытался как-то ему соответствовать, но у него ничего не получилось. Рудольф буквально отзеркалил действия Михаила, разве что у него была расческа и вместо бороды – выбритый до синевы подбородок. Он был уверен, что выглядит при этом гораздо представительнее лохматого профессора.

Наконец вкатился Моня.

– Все на месте. Ну, так к делу. Итак, Бенья, – он смущенно улыбнулся. – Ничего, что я так вас называю, вы же совсем молодой человек? – и, дождавшись от Бени подтверждения его не обиженности, продолжил: – Михаил? Наша с вами задача проста и лаконична. Рассказать и доказать Рудольфу, что будет, если удивительным и неожиданным образом на нашу землю вернется магия, прямо как в сказке. А главное, что после этого будет с нами. Ну, а Рудольф должен сказать, если он заметит, что мы несем чушь. Если мы выстроим стройный и интересный сюжет, я дам сто тысяч шекелей Бене и Михаилу и пятьдесят тысяч Рудольфу. А если Рудольф нас раскритикует, и мы ни к чему не придем, то наоборот.

– Это как-то нечестно... – начал было Бенья.

– Это было в договоре, двойная оплата при успешно сделанной работе, не заставляйте меня делать грубость, я вам не гой, не надо крутить меня на гонорар, займитесь сразу делом! – жёстко прервал его Моня, против обыкновения не улыбаясь. Повисло тягостное молчание.

– Волшебства нет, потому что если бы оно было, то у вас, Моня, были бы эксперты по этому вопросу, с разложенными по полочкам рекомендациями, – заявил Рудольф. – Я победил, давайте деньги.

– Ха! – хмыкнул Бенья. – Я все понял! Дайте я вам скажу, почему я тут! Я писал книгу, хорошую книгу, под именем Артура Рида, и вы должны знать, что я там написал, эта книга много покупалась, называется «Происки Богов», ну?

– Никогда не слышал, – признался Рудольф

– Так это вы, Бенья? Боже мой, я думал, что вы хоть немного приличный человек! – Михаил осуждающе покачал головой. – А вы ужасный человек, который компрометирует археологию!

– Ах, оставьте, Цемель, – отмахнулся Бенья. – Я написал плохую книгу, которая хорошо продается, я заработал денег, теперь я буду вкусно кушать и писать хорошие книги, которые никто не купит. Я, кажется, припоминаю, однажды я прочитал ответ на мою книгу от коллектива ученых, среди которых была ваша фамилия. Ой, вы, конечно, в пух и прах разбивали мою книгу, и это было прекрасно! Мне было так приятно, так приятно, что серьезные, умные люди читают мою книгу. И немного стыдно за них. Ну в самом деле, если человек верит в такую чушь, что у меня написана, значит, он идиот, и чем вы теперь ему поможете?

– Вы отвлекаетесь, – вставил Моня.

– Да, сосредоточимся! Мне надо покурить, можно, Моня? – Беня вскочил, достал сигареты и начал взволнованно расхаживать по комнате. – Ну да, теперь все сходится. И так, я привел интересную теорию в своей книге, я предположил, что боги существовали на самом деле! Вы ведь все знаете эти легенды, они так похожи у всех народов, и есть хорошее высказывание, как же там было... Ах да! – он остановился и процитировал, словно школьник, который читает на уроке стихи с выражением: – Достаточно продвинутая технология неотличима от магии! Не помню, кто это сказал, но он точно был из наших...

– Это нам не подходит, мне надо, чтобы это была именно магия! – вставил Моня.

– Зато я точно датировал исчезновение магии из мира, это смерть великого бога Пана, и в свидетелях был сам император Тиберий!

– Это было у Плутарха, он пересказал местечковую легенду, подтверждений современников нет, – хмыкнув, пояснил Рудольфу Михаил Цемель.

– Вы на чьей стороне?! – возмутился Беня. Он строго посмотрел на Михаила и снова принялся расхаживать, размахивая незажжённой сигаретой. – Почему может умереть бог? Только потому, что нет магии! Но теперь у нас есть точная дата, когда она ушла, это же важно! Когда это было, Михаил?!

Беня сел и отложил так и не подождённую сигарету. Вошел Игорь и поставил рядом с Беней пепельницу.

– Не суть важно, когда это было, важно, что это было, – сказал Рудольф. – как мы определим, что она вернулась? Мерлин с королем Артуром приплывут в Англию и предъявят претензии на трон королевы?

– Это смешной разговор, господин Меир, – сказал Михаил Цемель, повернувшись к Моне. – Думаю, я не скажу ничего неожиданного, если предположу, что все мы трое имели дела раньше, с вами или вашей организацией. И вполне серьезные дела. А тут вдруг вы приглашаете нас обсудить сказки. Давайте, вытаскивайте ваши такие государственные и секретные жёлтые папочки на съедобной бумаге, и приступим к серьезному разговору.

– Я представляю частную организацию! – возмущённо замахал руками Моня.

– Вы еще не начали, а я уже сказал хватит! – неожиданно веско для такого маленького человека, – заявил Беня. – Мы тут все знаем, что это частные организации поймали большую часть нацистов и поубивали этих поцов с той самой Мюнхенской олимпиады. Мы же имеем к вам уважение, мы воспитанные люди, мы же не говорим вслух слово Моссад, но давайте и вы будет говорить с нами с уважением!

Меир, не переставая улыбаться, сделал рукой призывающий жест, и через минуту в комнату вошел крупный мужчина, похожий на Игоря, как брат.

– Это Юрий, – представил его Моня, – мой второй домработник.

Юрий разложил перед каждым из присутствующих по электронному планшету и вышел.

– Скажу сразу, в них почти ничего нет, – сказал Моня. – Ну а то, что есть, от себя расскажу вкратце. Вы, наверно, слышали, тут недалеко, в Ираке, случилась заварушка. Примерно тогда все и началось. Так вот, у нас в Багдаде были дела, в музее. Надо было кое-что посмотреть, может, даже прибрать, чтобы не потерялось. Мы были готовы, хорошие надежные люди ждали начала штурма Багдада американцами, чтобы воспользоваться хаосом, и проникнуть в музей. И что бы вы думали? Нас обскакали.

Какие-то удивительно организованные мародеры взяли Национальный Музей Ирака и натворили там беспорядка. Украли золото, конечно. Но не только. В общем, они вывезли все! Ой, ну ладно, многое. И в процессе этих диких мародеров в арафатках как-то плавно сменили американские солдаты. Это стало нам интересно. Ну, мы стали смотреть, кому это нужно. И не нашли. То есть нашли, конечно. По всему выходило, что американские военные яростно выполняли пожелания американских и английских археологов. Такой, знаете ли, вызывающий ложный след. А мы не очень любим, когда так себя ведут – мы дали делу ход, выделили ресурсы.

Начали с того, что решили узнать, зачем люди в осажденном городе первым делом захватывают музей. Решили посмотреть, что украли. Было трудно, из пятнадцати тысяч наименований в музее уцелело только четыре тысячи. Но похищенные артефакты начали всплывать. Некоторые в частных коллекциях, многие в музеях Европы. Даже золото Нимрода нашлось! Но кое-что пропало насовсем, – Моня взял у Рудольфа планшет, немного покопался в нем и положил его на середину стола. – Можете посмотреть на фотографию. Прекрасный образец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.